

Ян Шенкман

В ЭТОЙ РУБРИКЕ
 МЫ РАССКАЗЫВАЕМ
 О МАЛОИЗВЕСТНЫХ
 ИЛИ ЗАБЫТЫХ ИМЕНАХ,
 СОБЫТИЯХ, ФАКТАХ,
 УПОМИНАНИЕ
 О КОТОРЫХ ВСТРЕЧАЕТСЯ
 НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.
 ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА
 ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ
 ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ,
 ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ РУССКОЙ
 ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ.

АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ БОРОДИН (1833–1887)

стр. XX

Автор одной из главных русских опер «Князь Игорь» по профессии был химиком. Окончил медицинскую академию, работал и дружил с Менделеевым, Сеченовым и другими корифеями. А преподавал у Бородин знаменитый профессор Зинин. Тот самый, который преподавал и Альфреду Нобелю. Зинина ужасно раздражало то, что Бородин увлекается музыкой. Он говорил ему: «Саша, бросьте эти ваши романсы и займитесь серьезным делом».

Несмотря на увлечение музыкой, Бородин относился к ней как к второстепенному делу. Все изменилось, когда он познакомился с Мусоргским. Он тогда работал в госпитале, а Мусоргский в этом госпитале лечился. Познакомились, поговорили, выпили пива, до которого Мусоргский был большой охотник. Бородин сказал: «Хорошая вещь музыка, но не ломать же из-за нее жизни?» Мусоргский согласился. И спросил Бородина: «Вы знаете такого композитора – Шумана?» «Нет, – сказал Бородин, – сыграйте». И Мусоргский стал играть. После этого Бородин понял, что все-таки жизнь придет-

Эскизы Н.Рейха к декорациям
 оперы «Князь Игорь»

ся как-то менять, что без музыки ему не прожить.

Работал он урывками. Все время что-то отвлекало. Во время лекций и экспериментов в голове звучала музыка. А иногда во время беседы с Римским-Корсаковым, он вдруг бежал в лабораторию.

Душа его разрывалась. Мысли все время витали где-то в другом месте. Он вообще был очень рассеянным человеком. Мог спросить жену в задумчивости: «Катенька, ради Бога, как тебя зовут?» Однажды он пригласил гостей. Было много музыки, ужинали, беседовали... И вдруг Бородин встает и начинает одеваться. Его спрашивают: «Куда вы, Александр Порфирьевич?» Он удивился: «Как это куда? Домой! Уже поздно, а у меня завтра лекция...» И только тут он понял, что он у себя дома.

Умер он неожиданно. Была масленица. Бородин устроил у себя дома костюмированный бал, позвал много гостей. Сам нарядился в русский народный костюм, надел рубаху и лапти. Все веселились, танцевали, пели. Бородин тоже веселился и пел. Но вдруг на полуслове запнулся и со всего своего громадного роста рухнул на пол. Это был разрыв сердца. Сперва подумали, что он шутит, – музыка продолжала играть, гости танцевали. Но Бородина уже не было.

Когда Римский-Корсаков разбирал его бумаги, рядом с нотами он нашел доклад по гигиене и какие-то формулы. На докладе был нарисован камертон. Эта раздвоенность не оставляла Бородина до последней минуты. Доклад по гигиене и камертон. И все-таки камертон победил.

ЛЕОПОЛЬД АНТОНОВИЧ
СУЛЕРЖИЦКИЙ (1872–1916)

стр. XX

Театральный художник и режиссер был большим другом Льва Толстого. В семье писателя его уменьшительно называли Сулер. Под влиянием пацифистских взглядов Толстого Сулер даже отказался от службы в армии, был арестован и помещен «на испытание» в Московский военный госпиталь, в отделение для душевнобольных. В конце концов он согласился служить и был отправлен для отбывания воинской повинности в Среднюю Азию. Вернувшись со службы, занимался тиражированием и распространением нелегальных статей Толстого, что было по тем временам довольно рискованно.

Связь между ними не оборвалась и после смерти писателя. По поручению дирекции Художественного театра Сулержицкий выхлопотал у наследников право на постановку пьесы Толстого «Живой труп».

Для театра он работал много и успешно, но в одну только театральную деятельность его личность не уместилась. Хотелось чего-то яркого, реального, какого-то большого и нужного людям дела. Таким делом стала помощь крестьянам-духоборцам, одной из самых притесняемых в России сект. Они отказывались платить налоги и служить в армии. В ответ царские чиновники у них насильно забирали детей. Именно духоборцам отдал Толстой свой гонорар за роман «Воскресенье». На эти деньги Сулержицкий нанял четыре парохода для перевозки сектантов в Канаду. Операция прошла блестяще. Все 700 крестьян были доставлены на другой континент, обрели новую родину, свободу вероисповедания, жилье и работу. Обо всем позаботился Сулер.

Как-то в компании заговорили о служении искусству, о внутреннем удовлетворении деятельностью артиста. Сулержицкий долго слушал, а потом сказал:

– Что касается меня, то я только раз в жизни чувствовал полное удовлетворение от своей деятельности – когда возил переселенцев в Канаду. Вот это было то! Это было настоящее!..

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ (ЕФИМ ПРИДВОРОВ, 1883–1945)

стр. XX

Автор стихотворных фельетонов и частушек на злобу дня, был единственным советским поэтом, который имел в своем распоряжении целый бронепоезд. Еще во время гражданской войны он разъезжал по России в так называемом «протекционном вагоне», выделенном ему по приказу самого Ленина. В этом вагоне находилась часть библиотеки Бедного, словари, энциклопедия Брокгауза и Ефрона. На фоне разрухи и нищеты, царившей в стране, поезд Бедного казался островком совершенно небывалого комфорта и достатка.

Личный вагон в отдельном поезде – довольно странное средство передвижения для революционного поэта, взявше-

го себе псевдоним Бедный. Но народная молва нашла этому объяснение: «Ленин дал Демьяну Бедному вагон, чтобы Демьян ездил по России да смотрел, хорошо ли народ живет». То есть речь шла о своем рода литературной инспекции. Поэт – как инспектор, действующий от лица власти.

Позднее этот странный сюжет оброс совсем уж мифологическими деталями. Один из современников приводит такую легенду о поэтическом бронепоезде:

«Осень. Холодный дождик. Кучками бродят красноармейцы. Кто-то заинтересовался вагоном:

– Чей такой? Что за комиссар?

– Не комиссар. Демьян Бедный.

– Какой Бедный?

– Дурак ты! Бедного Демьяна не знаешь? Был такой в царское время барин, хваткий, богач всесветный. Чего только нету!.. Было у него 12 автомобилей и 10 пудов золота. Не нравились ему царские порядки. Как революция пришла, пробрался он к Ленину и говорит:

– Вот тебе 10 пудов золота и 12 автомобилей. Ничего мне теперь не нужно. Дай ты мне только один вагон, чтобы я мог по фронту ездить. Погляжу, как народ за правду воюет.

Обрадовался Ленин, дал ему вагон из царского поезда, и ездит тот человек по всему фронту в своем вагоне... Был барин, а теперь в другом образе – Демьян Бедный – с бедными, значит, заодно... Демьяна Бедного песни вся дивизия знает».

Помимо легендарного бронепоезда была у Бедного квартира с кабинетом в самом Кремле. А в кабинете – его знаменитая библиотека с уникальными и дорогими изданиями. Эта библиотека его и сгубила. Зайдя однажды в гости к Демьяну, Сталин сказал, ткнув пальцем в книжные полки: «Это твой классовый враг». Дескать, начитанность пролетарскому поэту во вред. И хватал ценные книжки жирными пальцами, что дико раздражало Демьяна.

Но это только повод, причина была в другом. Бедный не уловил изменяющуюся политическую тенденцию. Революционный накал и интернационализм первых лет революции к 30-м годам сменился ультрапатриотизмом и имперской пышностью. Белое стало черным, а черное белым. Царские традиции незаметно возродились под красным флагом. Неудивительно, что Бедного, который позволил себе придерживаться старых большевистских принципов в конце концов подвергли строгой партийной критике, перестали печатать в газетах и издавать в издательствах. Правда, в отличие от многих не репрессировали, но кампания была громкая. Рикошетом все это ударило и по Камерному театру Таирова, который поставил оперу-фарс Бедного «Богатыри». Смеяться над богатырями стало опасно.

Yan Sherkman

UNDER THIS HEADING WE ARE TELLING ABOUT LITTLE-KNOWN OR FORGOTTEN NAMES, EVENTS, FACTS MENTIONED IN OUR REVIEW. THIS INFORMATION IS MAINLY ADDRESSED TO FOREIGN READERS WHO ARE INTERESTED IN RUSSIAN HISTORY AND CULTURE.

ALEXANDER PORFIRIEVICH BORODIN (1833-1887)

p. XX

Author of "Prince Igor", one of Russia's principal operas, was a chemist by profession. He graduated from a medical academy, worked and was friends with Mendeleev, Sechenov and other luminaries. The famous professor Zinin was Borodin's instructor. The same Zinin who also taught Alfred Nobel. Zinin was terribly annoyed by Borodin's fascination with music. He used to tell him, "Sasha, forget those romance songs of yours and do something serious instead."

Despite his fascination with music, Borodin regarded it as a secondary matter. It all changed when he met Mussorgsky. He was working at a hospital at the time, and Mussorgsky was a patient there. They met, talked, drank some beer, which Mussorgsky loved so much. Borodin said, "Music is a good thing, but it isn't really worth ruining one's life over it, is it?" Mussorgsky agreed. And then he asked Borodin, "Do you know a composer named Schumann?" "No," said Borodin, "why don't you play something by him." And Mussorgsky started to play. Afterwards Borodin realized that he would have to change his life somehow, because he wouldn't be able to live without music.

He worked in bursts. There was always something distracting him. During lectures and experiments his head was filled with music. And sometimes, during a conversation with

Rimsky-Korsakov he would suddenly jump up and run to the laboratory.

He was torn. His thoughts were always somewhere else. He was a very absent-minded individual to begin with. Lost in reverie, he could ask his wife, for instance, "Katenka, for God's sake, what is your name?" Once he invited guests over. There was lots of music; they dined, talked... Suddenly Borodin stood up and started getting dressed. The guests asked him, "Where are you going, Alexander Porfirievich?" He responded, surprised, "What do you mean 'where'? Home! It's late, and I have a lecture tomorrow..." And only then did he realize that he was, in fact, home.

He died unexpectedly. It was during the Maslenitsa holiday. Borodin hosted a costume ball at his home, invited many guests. He himself put on a traditional Russian costume, a shirt and bast shoes. Everyone was having fun, dancing, singing. Borodin was also having fun and singing. Suddenly, though, he stumbled in mid-sentence and that formidable giant simply collapsed onto the floor. It was a heart rupture. At first, everyone thought he was joking – music continued to play, guests continued to dance. But Borodin was already gone.

When Rimsky-Korsakov was going through his papers, he found a report on hygiene and some formulas next to his music sheets. A tuning fork was drawn on the report. This duality stayed with Borodin to his very last moments. A report on hygiene and a tuning fork. And still the tuning fork got the upper hand.

LEOPOLD ANTONOVICH
SULERZHITSKY
(1872-1916)

p. XX

The theatre designer and director was good friends with Leo Tolstoy. In the writer's family he received the nickname of Suler. Under the influence of Tolstoy's pacifist views, Suler even went as far as to refuse service in the army, was arrested and placed "on probation" in the Moscow Military Hospital, in the ward for mentally ill. He finally agreed to serve and was sent to Central Asia. When he came back, he worked on copying and distributing Tolstoy's clandestine articles, which was pretty risky at the time.

They maintained their connection even after the writer's death. Instructed by the Art Theatre management, Sulerzhitsky obtained from the heirs the right to stage Tolstoy's play "The Live Corpse."

He worked for many successful years for the theatre, but his personality couldn't fit into a single sphere of activity, such as theatre. He wanted something dramatic, some

action that is real and needed by people. Helping the Dukhobory (Spirit-Wrestlers) peasants, one of the most oppressed sects in Russia, became just the thing. They refused to pay taxes and serve in the army. In response, tsar's officials took their children by force. Tolstoy chose the Dukhobory as recipients of the royalties he received for his novel "Resurrection." Sulerzhitsky used that money to hire four steamboats to transport the sectarians to Canada. The operation was completed without a hitch. All 700 peasants were brought to another continent, obtained a new homeland, freedom of religion, housing, and work. Suler took care of everything.

Once in a company of friends they began talking about serving the arts and the inner satisfaction that comes from the work of an artist. Sulerzhitsky listened for a long time, and then he said, "For me there was only one time in my life, when I felt fully satisfied with the work I do. It was when I was transporting emigrants to Canada. Now that was something! That was real!..."

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

А.С. ПУШКИН   Идея, литературная композиция, постановка - РИМАС ТУМИНАС

ПРЕМЬЕРА 10,17,31 МАРТА

Сергей МАКОВЕЦКИЙ, Владимир ВДОВИЧЕНКОВ, Олег МАКАРОВ, Виктор ДОБРОНРАВОВ, Василий СИМОНОВ, Ольга ЛЕРМАН, Вильма КУТАВИЧУТЕ, Юлия БОРИСОВА, Людмила МАКСАКОВА, Галина КОНОВАЛОВА, Мария ВОЛКОВА, Наталья ВИНОКУРОВА, Екатерина КРАМЗИНА, Алексей КУЗНЕЦОВ, Юрий ШЛЫКОВ, Елена МЕЛЬНИКОВА, Любовь КОРНЕВА

**ПРЕМЬЕРА
26, 27 МАРТА**

Нонна ГРИШАЕВА
Ольга ТУМАЙКИНА
Марина ЕСИПЕНКО
Мария ВОЛКОВА
Евгений КОСЫРЕВ
Михаил ВАСЬКОВ
Виктор ДОБРОНРАВОВ
Роман ПОЛЯНСКИЙ

Р. ШЕРИДАН

Режиссер-постановщик - Григорий ДИТЯТКОВСКИЙ

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

Заказ билетов на сайте театра WWW.VAKHTANGOV.RU с возможностью оплатить банковской картой и получить электронный билет или заказать доставку

Касса театра: 8-499-241-1679; Заказ и доставка: 8-499-241-1693

Художественный руководитель театра - РИМАС ТУМИНАС

Официальный партнер театра Партнер театра Золотарев С.Н.

16+

DEMIAN BEDNY (EFIM PRIDVOROV)
(1883-1945)

p. XX

The author of feuilletons in verse and topical comic folk rhymes (chastushki), was the only Soviet poet to have an entire armored train at his disposal. As early as during the Civil War, he rode around Russia in the so-called “protective railcar”, provided for him by the order of Lenin himself. This railcar housed a part of Bedny’s library, dictionaries, the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Against the background of devastation and poverty that took over the country, Bedny’s train appeared like an islet of completely unprecedented comfort and affluence.

A personal railcar in a dedicated train is a rather strange means of transportation for a revolutionary poet, who took on the pen name of Bedny*. Yet people managed to find an explanation for that: “Lenin gave Demian Bedny a railcar, so Demian could ride around Russia and see whether or not the people are living well.” In other words, they were talking about a literary inspection of sorts. A poet as an inspector, acting on behalf of the government.

Much later this strange topic acquired details that were completely mythological. A contemporary remembers one such legend about the poetic armored train:

“It was autumn. There was a cold drizzle outside. Red Army soldiers were strolling back and forth in small groups. One of them became interested in the railcar:

‘Whose is this? Which commissar?’

‘Not a commissar. Demian Bedny.’

‘Who is that Bedny?’

‘You fool! You don’t know who Demian Bedny is? He used to be a nobleman under the tsar, a crafty fellow, incredibly rich. He had everything you could wish for!... He had 12 cars and 10 poods of gold. He didn’t like tsarist order. As soon as the revolution came, he went to Lenin and told him, ‘Here are 10 poods of gold and 12 cars. I don’t need anything anymore. Just give me one railcar, so I could ride through the front. I want to see how the folk are fighting for the truth.’

Lenin was very pleased, gave him a railcar from the tsar’s train, and now that man is

riding all over the front in his railcar... He used to be a nobleman, and now he is in another image – Demian Bedny – that means he is on the side of the poor folk... Our entire division knows Demian Bedny’s songs.”

In addition to the legendary armored train, Bedny also had an apartment with a study inside the Kremlin itself. And the study housed his famous library with unique and expensive editions. This library was the thing that led to his ruin. One day Stalin came to visit Demian and said, thrusting his finger at the bookshelves, “This is your class enemy.” Because extensive reading is supposedly harmful to a proletarian poet. And he grabbed valuable books with greasy fingers; something that Demian found extremely irritating.

It was merely a pretext, though, the actual reason was quite different. Bedny didn’t discern the changed political tendency. By the 1930s, revolutionary intensity and internationalism of the first few years of the revolution gave way to ultra-patriotism and imperial splendor. White became black, and black became white. Tsarist traditions surreptitiously became reborn under the red flag. It is not surprising that Bedny, who allowed himself to adhere to the old Bolshevik principles, was eventually subjected to strong party critique; his work was no longer printed in newspapers, he was no longer published in printing houses. Admittedly, he was not made political prisoner, unlike many others, but the campaign against him was very vocal. The recoil from that campaign struck Tairov’s Chamber Theatre as well, which staged Bedny’s opera-farce “Bogatyri.” Laughing at bogatyr became a dangerous thing.

* The word “bedny” in Russian means “poor”